
ИНЕСЕ РУНЦЕ

**Отношение государства
к иудейским общинам в Латвии
в 20–30-х гг. XX в.**

Введение и обоснование темы

Еврейская община является одной из старейших этноконфессиональных общин в современной Латвии. Ее существование в течение столетий обогащало латвийскую культурную среду, делало ее более толерантной и открытой. История еврейской религиозной общины в Латвии берет свое начало в XVI в., за долгий период своего бытования у нее сложились уникальные традиции сосуществования с христианскими общинами, проживавшими на этих же территориях.

Цель данной статьи — анализ осуществляемой независимой Латвией религиозной политики по отношению к еврейским религиозным общинам. Большая часть неопубликованных источников, на базе которых в основном была написана статья, находится в фондах Латвийского Государственного Исторического архива.

**1. Отношение государства к иудейским общинам
во времена парламентаризма (1918–1934 гг.)**

В 20–30-е гг. XX в. отношение Латвийского государства к нехристианским конфессиям основывалось на законодательстве, которое определяло свободу вероисповедания. Особенно благоприятным отношение государства было к иудейским (еврейским) общинам. Во время Первой мировой войны еврейская община в Латвии понесла довольно заметные человеческие и материальные потери. Ряд еврейских общин в это время прекратил свое существование, поскольку депортация евреев из Курляндии серьезно затронула все еврейские общины, и после войны стало необходимо возобновлять и основывать новые общинные институты [Vobe 1971: 221].

На 1923 г. в Латвии было 88 синагог и 77 молельных домов [ЛГИА, 1370 ф., 1 оп., 288 д., 16 л.]. Многие из них, особенно в Латгалии, в начале 20-ых гг. находились в довольно сложной финансовой ситуации. Государство предоставило весьма значительные денежные средства, чтобы помочь иудеям поддерживать их синагоги и молельные дома (см. в приложении № 1). Этот факт можно объяснить тем, что евреи,

во-первых, являлись вторым по величине этническим меньшинством и пятой по величине религиозной группой в Латвии. Кроме того, большую роль в позитивном отношении государства к иудеям играло то, что, по сравнению с русскими и немцами, у латышей, как нам кажется, не было исторической неприязни к евреям. Историк Д. Левин писал, что равноправие, которое было объявлено евреям так же, как и другим гражданам Латвии, прекратило их дискриминацию из-за национальности и веры.

Иудеям была предоставлена свобода вероисповедания и возможность свободно отправлять свой религиозный культ. Государство финансово поддерживало также еврейские религиозные школы, в которых, наряду с общеобразовательными предметами, изучали также религию (Закон Божий) [Vobe 1971: 221]. Государственная финансовая помощь в 1920–1934 гг. направлялась также на поддержку «иудейской духовной семинарии «Ешибот»» (*Žīdu garīgais seminārs “Ješibot”*) в Риге и ешивы «Бейт-Йосеф» в Даугавпилсе. Отношение государства к иудейским общинам на фоне других религиозных групп, особенно на фоне так называемых нетрадиционных конфессий, можно охарактеризовать как крайне толерантное.

В 1932 г. произошла первая конференция раввинов Латвии, которую посетили практически все из них [Vobe 1971: 229].

По выработанным государством правилам было образовано духовное правление синагог и молельных домов, которое поддерживало отношения с государством, регулировало внутреннюю религиозную и хозяйственную жизнь общин. Правление разработало торжественную клятву, которую должны были приносить все члены правления. В клятве говорилось: «Клянемся по совести исполнять наложенные на нас обязанности члена правления синагоги (молитвенного дома) в полном согласии с существующими сейчас законами Латвии и правилами нашей веры» [ЛГИА, 1370 ф., 1 оп., 343 л., 2 стр.].

Оценивая религиозную деятельность иудеев, Департамент духовных дел в 1923 г. сделал вывод, что большая часть евреев строго придерживаются своей веры и обычаев, и даже самые левые с уважением относятся к своей религии и святыням [ЛГИА, 1370 ф., 1. оп., 288 л., 16 стр.]. Таким образом, иудеи, благодаря своей лояльности к государству, не вызывали к себе повышенного интереса со стороны государственных институтов.

Одним из главных условий, которое государство выдвинуло к иудейским общинам, было получение латвийского гражданства раввинами. Если это не было сделано по разрешению Департамента духов-

ных дел, то власть оставляла за собой право выдворить таких раввинов из Латвии, аннулировав их право на работу. Этим занимался Отдел иностранцев Министерства Внутренних дел. Так, например, в 1920 г. в письме Департамент духовных дел просит начальника Резекненского уезда проконтролировать еврейскую общину поселка Малта Розентовской волости, чтобы та озаботилась скорейшим улаживанием дел с получением латвийского подданства раввинами Гиршем Абрамовичем Эрвином и Менделем Литмановичем Мехахимом, которые не являлись гражданами Латвии. В письме также говорилось, что если это не будет сделано вовремя, тогда упомянутых раввинов ждет выдворение из страны [ЛГИА, 1370 ф., 1 оп., 19 л., 19 стр.]. Процедура депортации на практике никогда не осуществлялась, поскольку иудеи своевременно улаживали все необходимые формальности.

Во времена существования Латвийского государства, в период парламентаризма, иудеи, подобно большей части других латвийских конфессий, включились в политическую жизнь Латвии. Интересы консервативных религиозных евреев в Сейме представляло еврейское объединение «Агудат Исраэль», во главе которого находились: Шимон Виттенберг — широко известный религиозный и общественный деятель, лесопромышленники Мордехай Дубин и Авигдор Волшонок и раввин И. Килов [Mednis 1995: 19].

Анализируя политическую деятельность партии «Агудат Исраэль», можно смело утверждать, что ее популярность и влияние на еврейскую политическую и религиозную жизнь были связаны с личной харизмой лидера партии Мордехая Дубина: «Агудат Исраэль», подобно любой другой партии религиозной направленности в Латвии в 20–30 гг. XX в., была ортодоксальной и с выраженным желанием приобрести доминирующее влияние на религиозную и духовную жизнь верующих [Steimanis 2002: 85]. В латвийской еврейской общине Мордехай Дубин был одной из наиболее влиятельных персон, у него были хорошие отношения и связи с правящими кругами Латвии и личная дружба с Карлисом Ульманисом [Steimanis 2002: 85]. Можно сказать, что Мордехай Дубин охотно и не без успеха исполнял роль посредника между религиозными еврейскими общинами и официальными государственными учреждениями.

Хотя само объединение «Агудат Исраэль» и дистанцировалось от идеологии сионизма, считая, что главное — это действовать в интересах того государства, на территории которого проживает община, однако у него сложились партнерские отношения с сионистским движением в Латвии и с другими его ответвлениями в мире [Steimanis 2002: 86].

Второй еврейской религиозной партией в Латвии в 20–30 гг. была «Мизрахи», которая стремилась объединить религиозных, секулярных и правых сионистов. Многие избиратели, особенно из Курземе и Риги, голосовали на выборах в основном за эту партию, поскольку доверяли ее лидеру — раввину Мордехаю Нуроку [Steimanis 2002: 86], который был авторитетом у евреев по всему миру и, в противоположность Мордехаю Дубину, не был в дружественных отношениях со всеми государственными институтами и К. Ульманисом.

Несмотря на достаточно хорошие отношения правительства к евреям и иудейским общинам, все-таки можно согласиться с историком Айварсом Странгой, который подчеркивает, что «нет ни одной страны или государства в Европе, где не существовали бы противоеврейские настроения и слепая ненависть или — современный антисемитизм, и Латвия, конечно, не исключение» [Stranga 2002: 90]. Отношения между латышами и евреями исторически были миролюбивыми. Однако юдофобия существовала в определенной степени на бытовом уровне. В конце 20-ых — в 30-ых гг. идеи антисемитизма распространились в латвийском обществе, параллельно с экономическим кризисом.

23 января 1925 г. в Риге члены ультранационалистического «Латышского национального клуба» П. Раупе, Э. Лейманис, К. Апинис и П. Таварс метнули ручную гранату в синагогу по улице Дзирнаву, 124, а в начале февраля в помещение еврейской социал-демократической организации «Перец-клуб» на улице Дзирнаву, 96 была брошена бутылка с ядовитыми веществами. Хотя насилие и не приобрело широкого размаха, клуб все равно закрыли по приказу свыше; он возобновлял работу под другими названиями, однако в последующие годы быстро пришел в упадок [Stranga 2002: 123].

2. Отношение авторитарного режима Карлиса Ульманиса к иудеям (1934–1940 гг.)

Осуществленный Карлисом Ульманисом 15 мая 1934 г. государственный переворот существенно изменил ситуацию во взаимоотношениях между государством и религиозными учреждениями. Отношение государства к церкви резко не изменилось — преследований не было, религия не была запрещена, однако с усилением декларируемых правительством К. Ульманиса заявлений о национальном и едином государстве, формировалась соответствующая данным установкам политика по отношению к религиозным организациям.

Личное увлечение К. Ульманиса идеологией режима Бенито Муссолини и осуществляемой им религиозной политикой повлияло и на формирование отношений между церковными учреждениями и государством в Латвии. Церковь должна была работать на благо авторитарного режима, укреплять его, поддерживая новую идеологию. Эйрвинд Берграв, анализируя влияние авторитарных режимов на формирование отношений между государством и церковью в Европе, подчеркивал, что государственному лидеру нужно было оставлять впечатление участливого, надежного, гуманного, богобоязненного человека, а также честного и справедливого, но особенно нужно было помнить, что вождь обязан вызывать страх и любовь [Berggrävs 2004: 24–25]. К. Ульманис с самого начала хорошо понимал сущность авторитаризма. Церковь должна была стать винтиком в механизме, работающем на укрепление его режима. В представлениях К. Ульманиса об авторитаризме, церковные организации должны были служить материальному и духовному благополучию государства.

В январе 1937 г. выходящее в Польше издание “*Judische Revue*” («Еврейское обозрение») писало, что после прихода к власти в мае 1934 г. К. Ульманиса многое изменилось [Stranga 1997: 91]. Экономическая и политическая активность евреев была ограничена, однако последствия переворота не повлияли на религиозную жизнь иудеев, так же, как и на общину староверов. Иудейские общины продолжали регулярно получать пособия от государства, укрепилось положение религиозных школ. Политическое управление исключило из круга своих интересов религиозную деятельность евреев, таким образом, обеспечив поддержку своего режима иудеями.

Латышизировать общины иудеев, так же, как и русских староверов, было невозможно. Правительство К. Ульманиса это понимало, и этим обстоятельствам не противилось. Хотя эти конфессии всегда помещались в графу «нетрадициональные» или «секты», но все строгие ограничения, относящиеся к новообразовавшимся сектам, к ним не применялись.

Интересно, что с введением строгой цензуры сразу же после переворота было остановлено и запрещено издание только некоторых насыщенных абсурдными псевдотеориями брошюр, в которых главный рассматриваемый вопрос был связан с проблемами «жидовизации христианства» или с выяснением национальной и религиозной принадлежности Иисуса. Эти брошюры не слишком успешно претендовали на статус теоретической литературы по антииудаизму, общее их число было невелико.

Антисемитизм в 30-ые гг. в Латвии изменил свой объем и приобрел новые качества. Как подчеркивает А. Странга, институциональная деменция общества Латвии в годы режима «15-го мая» — административные и судебные рамки, в которых функционировало авторитарное государство — существовала на двух довольно различных уровнях. На уровне принципов и идеологии авторитарный национализм был руководящим, а на практическом уровне в Латвии, в целом, был характерный для Восточной Европы «сельский авторитаризм», то есть он был не на уровне тоталитарной либо фашистской диктатуры, а оставлял довольно широкое пространство для деятельности меньшинств. Таким образом, для режима был характерен институциональный антисемитизм, однако евреи не являлись главной целью «национального реванша» [Stranga 2002: 175]. К. Ульманис не хотел допускать широкого распространения антисемитизма в Латвии, так как это противоречило его идее об образовании сплоченного общества и вызывало бы конфликты, которые Ульманис не терпел и не умел решать. Вождь также успешно нашел союзников в рядах религиозных консервативных евреев и сионистов [Dribins 2002: 73].

Еврейская религиозно-консервативная партия «Агудат Исраэль», хотя и преобразованная и не называемая партией после переворота 1934 г. стала своеобразным центром еврейской религиозной и политической жизни. Она подходила режиму К. Ульманиса и была близка патриархальной и консервативной ментальности вождя. «Агудат Исраэль» являлась полной противоположностью враждебным режиму левым еврейским кругам. К. Ульманис проявлял благосклонность к иудеям и высказывал симпатию к религии, это для «Агудат Исраэль» было самым существенным, так как иудаизм как религия и религиозная культура интересовало движение больше, чем «еврейство» — индивидуальные и коллективные права евреев, разнообразная жизнь организаций и товариществ и т.д. Еврейская автономия для агудистов означала только и единственно религиозную автономию [Stranga 2002: 198], которую К. Ульманис разрешил полностью.

Если у светских евреев, особенно в левых кругах, процессы, происходящие при режиме К. Ульманиса, вызывали неудовольствие и опасения, то ортодоксальные религиозные евреи воспринимали их спокойно и, в известной степени, с удовлетворением, поскольку в общественной жизни Латвии укрепились позиции религии. Важная роль в этом процессе клерикализации еврейского общества была у Мордехая Дубина, который стал неофициальным лидером «Агудат Исраэль» в Латвии, это была харизматичная и, можно сказать, гениальная лич-

ность в истории евреев Латвии. Мордехай Дубин — человек, который был одарен многими талантами и фантастической работоспособностью, нередко совершал удивительные подвиги, например, брал на себя заботу о еврейских переселенцах из Советской России или нацистской Германии, оказывая религиозную и материальную помощь евреям в Латвии и СССР. Нередко к нему за помощью обращались и неевреи.

М. Дубин имел практику парламентской работы в Латвии и был депутатом Сейма всех четырех созывов. Он взял на себя отеческую заботу о положении иудеев, а также готов был стать защитником евреев из нерелигиозных кругов. Во второй половине 30-х гг. по Латвии ходили часто преувеличенные слухи о дружбе К. Ульманиса и М. Дубина и об их общих «торговых сделках». Они были успешно образованным тандемом, который создал благоприятные отношения между государством и иудейскими общинами. Как уже подчеркивалось, тогда К. Ульманису нравилась патриархальность, и личности М. Дубина эта особенность была присуща. Возможно, что и М. Дубину не была чужда идея вождизма, и эта ситуация предоставила ему возможность самому в своих кругах и в глазах бывших политических и стратегических конкурентов стать неофициальным лидером всего еврейского сообщества.

М. Дубин был очень популярен в ортодоксальных кругах, и, как его характеризует Эзра Мендельсон, был так же, как и все лидеры Агудат, политически консервативным и культивировал хорошие отношения как с режимом, так и с латышскими национальными кругами [Mendelson 1983: 250]. В результате влияния агудистов и М. Дубина лично после переворота 15 мая 1934 г. неотвратно возрастала клерикализация еврейских школ [Stranga 2002: 199]. Этот шаг в светских и левых кругах вызвал большое недовольство не только М. Дубиным как таковым, но и режимом К. Ульманиса. Часть школ с преподаванием на идише (светских) была закрыта или присоединена к сети религиозных школ, учителя левых взглядов были уволены с работы, и, таким образом, было ликвидировано естественное и демократическое развитие еврейских школ [Stranga 2002: 199].

Благородным жестом со стороны латвийского правительства, который привлек внимание и признание иудеев всего мира, была проявленная забота о судьбе всемирно известного еврейского религиозного деятеля, Любавического раввина Иосифа (Йосефа) Шнеерсона. Раввин Иосиф Шнеерсон уже в 1927 г., благодаря усилиям и поддержке со стороны латвийского правительства и лично Дубина, был спасен из

советской тюрьмы и от потенциальной смерти. Он прожил в Латвии с 1927 по 1934 г., а затем переселился Варшаву [Шнеерсон, хасидская династия]. После вторжения нацистской Германии в сентябре 1939 г. из Варшавы была эвакуирована большая часть евреев-граждан Латвии. Раввину сообщили о возможности выехать, однако он болел и не мог оставить свой дом в пригороде Варшавы [Умановская 2002: 97]. Судьба раввина, который был большим авторитетом в рядах ортодоксального религиозного движения Хабад-Любавич, начала беспокоить международные еврейские организации. 27 сентября 1939 г. секретарь США Э. Пекер посетил Министерство иностранных дел Латвии, чтобы просить ее оказать помощь в спасении раввина, когда нацисты уже оккупировали Варшаву. Также М. Дубин несколько раз обращался в государственные институты с просьбой помочь еще нескольким раввинам вернуться в Латвию. После оккупации Варшавы посольство Латвии в Берлине связалось с Министерством иностранных дел Германии и добилось благоприятного результата. Уже 17 октября из Варшавы в Берлин выехал «дипломатический поезд», в котором находился И. Шнеерсон со своей семьей, позже раввин переселился в США. Латвийское правительство несколько раз успешно делало все возможное, чтобы спасти жизнь раввина Шнеерсона [Feldmanis, Stranga, Virsis 1993: 339].

В Европе стало стремительно чувствоваться приближение трагедии, однако в Латвии все казалось и было спокойно. Общины иудеев продолжали получать ежегодные государственные пособия, деятельность религиозных школ процветала, слежка политического управления не касалась структур иудейских общин. Президент в своих турах по Латвии гостил в синагогах Курземе и Латгалии, и правительство продолжало выделять единовременные пособия на ремонты синагог, особенно бедным иудейским общинам Латгалии.

Заключение

Латвийское правительство и государственные институты продолжали использовать старое юридическое разделение (наследие от традиции Российской Империи) на «традиционные» и «нетрадиционные» религиозные конфессии. Соответственно «традиционные» конфессии получали большее содействие, финансовую помощь на содержание зданий и религиозных институтов, отношения между государством и «традиционными» конфессиями (лютеранской, католической и православной) складывались более тесные. «Нетрадиционные» религиоз-

ные конфессии еще делились на «исторические» и «сектантские». «Исторические», к которым относились и иудеи, а также баптисты, адвентисты и староверы, продолжали получать финансовую помощь и не испытывали притеснений на протяжении всей истории существования независимой Латвии.

Литература и источники

- Латвийский Государственный Исторический Архив (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs, далее ЛГИА), 1370. ф., 1. оп., 288. д.
ЛГИА, 1370. ф., 1. оп., 19. д.
ЛГИА, 1370. ф., 1. оп., 343. д.
Шнеерсон, хасидская династия — Шнеерсон, хасидская династия // Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 10. Иерусалим, 2001. Кол. 254–256
Умановская 2002 — Умановская Г., Вагнер З. Любавичский Ребе Иосиф Исаак Шнеерсон и Латвия // Евреи в меняющемся мире. Материалы 4-й международной конференции / Ред Г. Брановер, Р. Фербер. Рига, 2002. С. 96–99
Bobe 1971 — Bobe M. Jews in Latvia. Tel Aviv, 1971.
Bergrāvs 2004 — Bergrāvs E. Valsts un cilvēks. Rīga, 2004.
Dribins 2002 — Dribins L. Ebreji Latvijā. Rīga, 2002.
Feldmanis, Stranga, Virsis 1993 — Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis (30 gadu otrā puse). Rīga, 1993.
Levins 1999 — Levins D. Ebreju vēsture Latvijā. No apmešanās sākumiem līdz mūsu dienām. Rīga, 1999.
Mednis 1995 — Mednis I. Politiskās partijas Latvijas Republikā // Latvijas Arhīvi. 1995. № 3. 17.-24.lpp
Mendelson 1983 — Mendelson E. The Jews of East Central Europe Between The World Wars. Bloomington, 1983
Stranga 2002 — Stranga A. Ebreji un diktatūras Baltijā. 1926–1940. Rīga, 2002.
Steimanis 2002 — Steimanis J. History of Latvian Jews. New York, 2002.

Приложение №1
Государственные пособия конфессиям

Государственные пособия в 1924/25 гг.

Евангелическо-лютеранская Церковь	– 240 000 Ls
Римско-католическая Церковь	– 100 000 Ls
Православная Церковь (Синоду, курсам для священников, церквям отдельных общин)	– 45 000 Ls
Староверы	– 20 000 Ls
Евреям (молитвенным домам, синагогам)	– 20 000 Ls

Государственные пособия в 1931/32 гг.

Евангелическо-лютеранская Церковь	– 29 400 Ls
Римско-католическая Церковь	– 12 250 Ls
Православная Церковь	– 12 050 Ls
Староверы	– 6020 Ls
Иудеи	– 6950 Ls
(семинария «Ешибот»)	– 3674 Ls)

Государственные пособия в 1938/39 гг.

Евангелическо-лютеранская Церковь	– 88 000 Ls
Римско-католическая Церковь	– 39 000 Ls
Православная Церковь	– 15 000 Ls
Староверы	– 7000 Ls
Евреям	– 7000

Государственные пособия в 1940 г. (на 9 месяцев)

<i>конфессия</i>	<i>число верующих</i>	<i>денежная сумма в латах</i>
Евангелическо-лютеранская Церковь	– 1 075 641	– 66 000
Римско-католическая Церковь	– 476 963	– 29 000
Православная Церковь	– 174 389	– 11 000
Староверы	– 107 195	– 6000
Иудеи	– 93 406	– 6000
(семинария «Ешибот»)	– 3674 Ls)	